
ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ – НА СВАЛКУ ИСТОРИИ

А.Д. Горбовский

Научно-технический центр специальных технологий
ОАО «Электромеханика», Санкт-Петербург

Прошло 10 лет со дня вступления в силу Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, которое состоялось 29 апреля 1997 года. В то время Российская Федерация, подписавшая Конвенцию в числе первых государств 13 января 1993 года в Париже, еще не завершила процесс ее ратификации и присоединилась к Конвенции на семь месяцев позже – 5 декабря 1997 года. Из всех существующих международных соглашений Конвенция о запрещении химического оружия является беспрецедентным договором, регламентирующим полное, всеобщее запрещение и ликвидацию одного из видов оружия массового поражения под международным контролем Организации по запрещению химического оружия в Гааге. Реальный успех в области химического разоружения служит практическим примером успешного решения актуальной международной проблемы. Поэтому этапы возникновения, развития и запрещения химического оружия представляют особый интерес для читателей.

Ten years have passed from the date of coming into force of the Convention on Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction, which happened on April 29, 1997. At that time Russian Federation which has signed the Convention among the first states on January 13, 1993 in Paris, yet has not completed the process of its ratification and has joined the Convention for seven months later – on December 5, 1997. From all existing international agreements the Convention on Prohibition of Chemical Weapons is the unprecedented agreement regulating full, overall prohibition and liquidation of one of the kinds of mass destruction weapons under the international control of Organization on Prohibition of Chemical Weapons in Hague. The actual success in the field of chemical disarming serves a practical example of the successful solution of an actual international problem. Therefore stages of beginning, development and prohibition of chemical weapons are of special interest for readers.

Если задаться целью, чтобы установить первую попытку людей применить яды в качестве оружия, то этот поиск приведет в глубокую древность – к начальным этапам цивилизации. Еще в войнах древней Индии, две тысячи лет до нашей эры, применялись ядовитые дымы. В исторических источниках периода 2–7 веков до нашей эры имеются упоминания о применении отравленных стрел, заражении продуктов питания и использовании удушающих дымов в войнах на территории Китая, Греции и Северной Африки. Имеются документы, свидетельствующие о применении токсичных дымов в качестве осадного оружия в европейских войнах периода 15–17 веков [1].

Как это ни парадоксально звучит, но по мере приобретения новых знаний о законах природы и строения материи человек использовал любые возможности, которые могли служить в

качестве оружия. Не будем вдаваться в истинные причины войн, среди которых упоминают воинственную природу человеческого рода, привлекательность вооруженного насилия для захвата материальных ценностей и сырьевых источников, а также непримиримость классовой борьбы. Обратим наше внимание на широкий набор постоянно совершенствующихся средств вооруженной борьбы, основанных на различных принципах, и попытаемся ответить на вопрос, почему удалось договориться о полном запрещении и уничтожении под жестким международным контролем именно химического оружия.

Часто упоминается о химическом оружии, как о самом варварском средстве ведения войны. Однако к этому следует относиться осторожно, потому что вряд ли удастся доказать, что смерть людей от ядерного, бактериологическо-

го, огнестрельного и даже холодного оружия более гуманна. А в поиске причин исключительности химического оружия приходится учитывать большое число различных факторов, которые мы предлагаем нашим читателям рассмотреть вместе с нами.

1. История развития химического оружия и принятые меры по его запрещению

Ограничься лишь упоминанием об использовании в древние времена отравленных пуль, ядов, удушливых и вредоносных газов, обратим внимание на то, что задолго до массовых поражений людей от применения химического оружия дальновидные юристы и ученые стали настаивать на принятии международно-правовых мер по запрещению его использования в войне.

Первоначальные упоминания об этих мерах относятся к Санкт-Петербургской декларации 1868 года о неприменении видов оружия, которые противоречат законам гуманности, а также международной декларации Брюссельской конференции 1894 года о запрещении применения ядовитых веществ и отравленного оружия.

Серьезный призыв к запрету применения ядов прозвучал в 1899 году на первой мирной конференции в Гааге. В принятой конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» имеется положение, что *«...договаривающиеся стороны соглашаются воздерживаться от применения любых снарядов, единственной целью которых является распространение удушливых или вредоносных газов»*. В новой редакции этой конвенции 1907 года появились статья 22, в которой указано: *«...воюющие страны не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю...»*, и статья 23 с формулировкой: *«...запрещается применять яд или отравленное оружие, снаряды или вещества, способные причинить излишние страдания»* [1, 2].

Несмотря на то, что к Гаагской конвенции присоединились все европейские страны, химическое оружие заявило о себе в полную силу на полях сражений Первой мировой войны.

Хотя имеются сведения [3] об использовании в 1914 году французами гранат и немцами снарядов с раздражающими веществами, однако первое крупномасштабное применение химиче-

ского оружия было осуществлено 22 апреля 1915 года войсками кайзеровской Германии против французской армии в районе г. Ипр. В результате 5-минутного выпуска хлора из баллонов на фронте 6 км французские войска понесли серьезные потери: 15 тысяч пораженных, из них около 5 тысяч человек погибших. Оборона на участке фронта 8 км была совершенно ликвидирована [4]. В дальнейшем в ходе войны химическое оружие неоднократно применялось армиями Германии, Франции, Англии, Австрии, Италии, США и России. Всего на полях сражений в период 1915–1918 годов было применено 115 тысяч тонн отравляющих веществ (ОВ). Основными способами применения были газобаллонная атака, стрельба химическими артиллерийскими снарядами и газометами. В результате применения химическим оружием было поражено более одного миллиона человек, из них умерло 100 тысяч человек [1, 4, 5].

Выявляя причины столь масштабного использования химического оружия в Первой мировой войне, следует обратить внимание на достигнутый к тому времени уровень средств вооружения. Широкое использование армиями всех стран инженерных и фортификационных сооружений обеспечивали живучесть обороняющихся войск, а наличие скорострельных пулеметов и эффективных артиллерийских систем приводили к значительным потерям наступающих. При заблаговременно организованной обороне боевые действия носили позиционный характер и практически не влияли на ход войны. Представляет интерес высказывание по этому поводу Ф. Габера – директора германского института физической химии им. Кайзера Фридриха II: *«Только после огромного разочарования, которое вызвала у нас окопная война, появилась мысль изыскать средство, с помощью которого удалось бы преодолеть сопротивление неприятеля и снова перейти к подвижной войне, которая неминуемо должна привести к победному концу»* [5].

Именно к этому времени, вследствие бурного развития химической промышленности в основных странах Европы появилась возможность использовать производимые в больших количествах ядовитые вещества для целей поражения людей на войне. Способность ОВ в газообразном состоянии проникать в окопы и

блиндажи обеспечивала более высокую эффективность химического оружия для поражения укрытой живой силы по сравнению с обычным оружием, что и привело к быстрому развитию химического оружия в годы Первой мировой войны и его широкому применению на полях сражений.

Однако устрашающие последствия применения химического оружия в войне оказали соответствующее воздействие на принимаемые решения в отношении международных правовых норм. Так, мирный договор с Германией, заключенный в Версале 28 июня 1919 года, содержал статью 171, которая гласила: «*Применение удушающих, ядовитых или других газов и всех аналогичных жидкостей, материалов и устройств запрещается, их производство в Германии и их ввоз в Германию строго запрещается*» [1].

В период с 1920 по 1924 год на сессиях Совета Лиги наций обсуждаются вопросы о перспективах запрещения использования в войне химического оружия и проблемах защиты от него. В 1925 году в рамках работы Конференции по контролю над международной торговлей оружием, боеприпасами и орудиями войны в Женеве был разработан и 17 июня 1925 года принят «Протокол о запрещении применения в войне удушливых, ядовитых или других газов и бактериологического оружия». В течение трех лет этот Протокол ратифицировали 13 стран, включая Германию, Францию, Италию и СССР. Ратификационная грамота Советского Союза, как и других стран, содержала оговорку, что Протокол перестает быть обязательным по отношению ко всем враждебным государствам, которые его нарушат. США ратифицировали Женевский протокол только в 1975 году [2].

Несмотря на то, что Женевский протокол не запрещал его участникам разрабатывать и производить химическое оружие, он имел огромное значение в международных отношениях и оказывал определенное сдерживающее влияние на агрессивные государства.

Исторической вехой в проблеме запрещения химического оружия стала резолюция Совета Лиги наций от 12 декабря 1925 года о подготовке к конференции по сокращению и ограничению вооружений. Уже на первом заседании подготовительной комиссии прозвучал призыв

(выступление представителя Бельгии) о необходимости полного запрещения химического оружия, причем не посредством подписания соглашений о запрещении его применения, а установлением всеобщего контроля, исключающего разработку химического оружия в лабораториях и его производство на химических заводах. В ходе работы этой комиссии делегация СССР внесла проект дополнения к Женевскому протоколу, предусматривающий уничтожение всех орудий химической агрессии и бактериологической войны, прекращение их производства и организацию национального контроля выполнения этих мер. Была развернута работа в подкомиссиях и секциях по обсуждению комплекса технических вопросов, касающихся проблем контроля и санкций в случаях нарушения обязательств.

В ходе работы Конференции по разоружению с 1933 по 1936 год разрабатывался и обсуждался проект текста будущей конвенции с целью дополнения и расширения Женевского протокола. Однако мнения делегаций различных стран по тексту будущего соглашения были противоречивыми и не позволили выработать окончательный документ. 22 января 1936 года Совет Лиги наций отложил дальнейший созыв Конференции по разоружению [1].

Дальнейшие события показали, что Женевский протокол был не в состоянии предотвратить химическую агрессию даже со стороны тех государств, которые его ратифицировали. В период с декабря 1935 года по апрель 1936 года Италия применила 675 тонн ОВ против Абиссинии, заявив, что этот акт является ответом на незаконные и жестокие методы ведения войны абиссинцами. При этом химическое оружие впервые применялось авиацией, что значительно увеличило масштабы воздействия и вызвало большие жертвы среди гражданского населения. Также имеются документы о фактах применения химического оружия во время гражданской войны в Испании в 1936 году и во время японского вторжения в Китай в 1937 году [1].

После окончания Первой мировой войны в различных странах активно продолжались исследования в области новых ОВ. В табл. 1 в хронологическом порядке представлены данные об открытии и синтезе новых ОВ в период 1917–1958 годов [2].

К началу Второй мировой войны основные страны существенно нарастили свой химический арсенал и продолжали производство химического оружия в ходе войны, подозревая своих противников в готовности развязать химическую войну. По мере развития химического оружия совершенствовались и средства противохимической защиты. Данные табл. 2 показывают, что первенство по количеству созданных запасов химического оружия держала Германия, которая располагала самыми токсичными в то время ОВ и заводами по их производству [1]. Открытие в Германии высокотоксичных фосфорорганических отравляющих веществ (ФОВ) позволило говорить о новом поколении химического оружия. Эффективность химических боеприпасов в снаряжении ФОВ по сравнению с ипритом выросла более чем в 10 раз.

В ходе боевых действий на полях сражений Второй мировой войны химическое оружие крупномасштабно не применялось. Имеются отдельные факты такого применения Германией в 1939 году в Польше и в 1942 году в Крыму, а

также использование ОВ в период 1942–1944 годов в концентрационных лагерях. Имеются сведения о применении ядовито-дымовых шашек и химические гранат Японией против американских войск во время боевых действий на островах Тихого океана.

Возникает закономерный вопрос, почему во Второй мировой войне фашистская Германия не применяла химическое оружие против стран антигитлеровской коалиции. Исторические документы и факты, изложенные в материалах [1, 6], позволяют понять логику событий и приблизиться к истинным причинам, которые помогли избежать химической войны.

Наиболее кровопролитные сражения в войне развернулись на территории Советского Союза. По словам начальника химической службы германских войск генерала Окснера применение химического оружия лишь снизило бы быстроту наступательных операций в начальный период войны [1]. Тем не менее, в дневнике начальника генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал-полковника

Гальдера в различные периоды войны указывается на возможность применения химического оружия войсками Вермахта. Так, в октябре 1941 года при наступлении 2, 4 и 9 армий на Москву (операция «Тайфун») осуществлялась подготовка германских химических войск к боевому использованию. Имеется упоминание о готовности применения химического оружия в декабре 1941 года по Ленинграду. В дневнике Гальдера от 7 января 1942 года имеется следующая запись: *«Полковник Окснер хочет мне навязать химическую войну против русских»*.

В материалах СИПРИ [1] имеется ссылка на высказывание Окснера, что в период отступления немецких войск Германия могла бы применить химическое оружие, однако этот факт явился бы хорошим предлогом для ответного химического удара союзными войсками, имеющими

Таблица 1. Хронология разработки основных ОВ

Год открытия	Условное наименование ОВ	Автор, страна
1917	Люизит	Льюис, США
1918	Адамсит	Адамс, США
1935	Азотистый иприт	Германия
1936	Табун	Шрадер, Германия
1938–1939	Зарин	Шрадер, Германия
1944	Зоман	Кун, Германия
1952–1958	VZ	США
1956–1958	V-газы	Л.Э. Таммелин, США Р. Гош, Великобритания

Таблица 2. Запасы ОВ некоторых воюющих стран на различных этапах Второй мировой войны

Страны	Запасы ОВ, тыс. тонн	
	1940 г.	1945 г.
Германия	15	250
Англия	1,5	60
США	1,5	135
Япония	5	10

значительный арсенал химического оружия и военное превосходство в воздушном пространстве на многих фронтах. Как стало ясно впоследствии, германская разведка существенно преувеличивала возможности Великобритании и Советского Союза по применению химического оружия, не сомневаясь даже в том, что США и СССР имели с то время на вооружении фосфорорганические ОВ. Таким образом, возможность ответного удара являлось действенным сдерживающим фактором в развязывании химической войны в период 1939–1945 годов.

После окончания Второй мировой войны уже в рамках Организации Объединенных Наций была продолжена работа по обсуждению возможных международных норм в отношении запрещения химического оружия. В период 1946–1968 годов проблема разоружения ставилась уже более широко и относилась в целом к оружию массового поражения, которое включало атомное, биологическое и химическое оружие. Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1968 года Генеральным секретарем был подготовлен и опубликован доклад о последствиях применения химического и биологического оружия. Основным выводом этого доклада явилось положение: «... перспективы мира во всем мире значительно улучшились бы, если бы был положен конец разработке, производству и накоплению химических и бактериологических средств, предназначенных для военных целей, и если бы они были изъяты из военных arsenалов» [1].

26 августа 1969 года был создан Комитет по разоружению в Женеве. Важнейшим достижением переговоров в этом Комитете явилось принятие 16 декабря 1971 года Генеральной Ассамблеей ООН проекта Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Одновременно государства-члены ООН приняли обязательство продолжить переговоры о запрещении химического оружия.

Вместе с тем, следует обратить внимание, что в послевоенный период США и СССР продолжали развивать и совершенствовать свой военно-химический потенциал. Причем до середины 70-х годов первенство по развитию хими-

ческого оружия принадлежало США. Уже в конце войны были предприняты все меры для вывоза оборудования и интернирования в США немецких ученых, включая Г. Шрадера, и офицеров, имеющих отношение к химическому оружию. На основе открытий немецкими химиками нового класса высокотоксичных ОВ (зарин, зоман и табун) были развернуты работы по созданию эффективного военно-химического потенциала. В 1952 году США начали промышленное производство зарина на арсенале Рокки-Маунтин (штат Колорадо). В результате работ по синтезу ОВ Л.Э. Таммелином (1956–1958 годы) был открыт новый класс высокотоксичных соединений, названных впоследствии V-газами. Эффективность химических боеприпасов с V-газом по сравнению с заринем возросла в 5 раз. Уже в 1961 году США приступили к промышленному производству V-газов на заводе в Ньюпорте (штат Индиана). На основе этих эффективных ОВ к концу 60-х годов в США были созданы значительные запасы химического оружия, включающие снаряды ствольной и реактивной артиллерии, боеприпасы авиации и боевые части ракет. В то время это был самый мощный и эффективный арсенал химического оружия, которому отводилось важное место при проведении операций сухопутных войск. Часть химического arsenала США была размещена в Европе.

В условиях существовавший в тот период политики «холодной войны» в Советском Союзе принимались необходимые меры по совершенствованию средств и способов защиты войск и населения от химического оружия. В качестве сдерживающей меры СССР также создает базу для производства ФОВ и боеприпасов для их применения. В связи с тем, что СССР создавал свой химический арсенал в снаряжении ФОВ на 10–15 лет позже США, его химические боеприпасы к началу 80-х годов были более совершенны. Кроме того, при создании химических боеприпасов использовались более высокие стандарты, которые обеспечили требуемую прочность боеприпасов и возможность их длительного хранения.

В 1969 году США заявили о прекращении производства ОВ и объявили о готовности к переговорам по ограничению химического и био-

логического оружия. Возможно, что понять истинные причины такого решения поможет рассмотрение следующих факторов:

1. В период 1961–1969 годов применение США раздражающих веществ и средств для уничтожения растительности во Вьетнаме привело к многочисленным поражениям людей и хроническим болезням, что являлось предметом серьезных обсуждений в ООН.

2. К концу 60-х годов у некоторых типов химических боеприпасов возникли течи ОВ, что вынудило министерство обороны США провести затопление большого количества аварийных боеприпасов в океане и начать разработку технологий уничтожения химического оружия.

3. Большинство американских химических боеприпасов к концу 60-х годов устарели и уже не были приспособлены к новейшим и перспективным средствам доставки.

4. В США активно разрабатывалась технология так называемого бинарного химического оружия, которая открывала способ безопасного производства, перевозки и хранения боеприпасов, а также предоставляла возможность быстрого перевооружения химического арсенала при появлении новых ОВ.

На дальнейший ход международных переговоров о запрещении химического оружия решающее влияние оказывали позиции двух стран США и СССР, обладающих в то время самыми большими запасами современного химического оружия в мире.

2. Подготовка текста конвенции о запрещении химического оружия и ее подписание в Париже

Переговоры по проблеме запрещения химического оружия продолжались в рамках Комиссии по разоружению в Женеве. Вполне понятно, что реальные успехи этих переговоров напрямую зависели от позиций государств – обладателей химического оружия, от той роли, которая отводилась этому оружию в военных доктринах этих стран. В этом отношении основное влияние оказывала политика «холодной войны», и противостояние сторон обусловило соревнование не только в области ядерного, но и химического оружия.

Логика соперничества в интересах собственной безопасности диктовала каждой стороне необходимость отслеживать все шаги другой стороны в создании новых типов химического оружия. И эти усилия очень часто еще более осложняли ситуацию, потому что добываемая информация сторон друг о друге приводила к развертыванию новых направлений с целью достижения паритета или даже превосходства в создании химических средств вооружения. Но в ряде случаев, по причине недобросовестности источников информации, сообщались завышенные данные об успехах сторон, что приводило к неоправданным затратам в гонке создания более эффективного химического оружия.

К началу 80-х годов в США назрела крайняя необходимость принять решение в отношении своего устаревающего химического арсенала. Возможные варианты действий могли быть следующими:

1. Полное перевооружение существующего химического арсенала на основе последних научно-технических достижений.

2. Реализация бинарной технологии и создание более мобильного химического арсенала на ее основе.

3. Решение об отказе в использовании химического оружия в войне и его полном запрещении и уничтожении для всех стран.

Первый вариант являлся самым дорогостоящим, так как требовалось уничтожить практически все ранее накопленные запасы и создать промышленную базу для производства современных химических боеприпасов.

В отношении бинарного химического оружия вопрос представляется более сложным, так как эта технология обладает целым рядом недостатков, которых не имеет унитарное (обычное) химическое оружие. Бинарный боеприпас представляет собой маленький химический реактор, в котором ОВ образуется из двух или нескольких химических компонентов во время доставки боеприпаса к цели. Поэтому внутри боеприпаса после химической реакции получается смесь ОВ с побочными продуктами, снижающими его эффективность, как минимум, в 1,5–2 раза. Более того, целый ряд конструктивных характеристик боеприпасов, которые определялись особенностями реакции смешивания в

них компонентов, существенно затрудняли боевое применение этих боеприпасов.

Бинарная технология без снижения уровня эффективности могла бы заменить обычное химическое оружие, если были бы найдены токсичные химикаты, как минимум, в 2–3 раза более токсичные по сравнению с V-газами. Однако эта задача была практически невыполнима. Как было показано в работе Н.С. Антонова [7], предел токсичности для жидких ОВ достигнут на уровне V-газов. Любая попытка получения более токсичного ОВ, существенно превосходящего по токсичности V-газы, закономерно приводила к синтезу химикатов с большим молекулярным весом, которые при нормальных условиях могли существовать только в виде твердых веществ. Даже конструирование средств боевого применения твердых ОВ представляет значительные трудности, а создание бинарного химического оружия на основе твердых веществ – практически невозможно.

Таким образом, попытка заменить существующее химическое оружие бинарным не имела реальной перспективы. Тем не менее, начиная с конца 60-х годов, в США наращивались работы по созданию химических боеприпасов на основе бинарных систем зарина и V-газов. Широко обсуждались преимущества бинарной технологии, такие как безопасное производство малотоксичных компонентов, из которых ОВ образуются только в боеприпасе, безопасное хранение и транспортировка химических бинарных боеприпасов. Отмечались также трудность контроля и возможность простой модернизации бинарных химических боеприпасов.

Однако реальным достижением США за 30-летний период разработок явилось только завершение отработки 155 мм боеприпаса ствольной артиллерии с бинарным заринном и доведение до летных испытаний конструкции авиационной бомбы «Big-eye» с бинарным V-газом.

В чем же была причина, что США стремились продемонстрировать свое серьезное намерение в реализации бинарной программы химического вооружения, несмотря на неутешительные практические результаты и ее очевидную бесперспективность? Возможно, что ответить на этот вопрос поможет оценка роли химического оружия в современной войне.

К концу 70-х годов прошлого столетия произошли качественные изменения в системах вооружения и средствах поражения. Существенно повысились боевые возможности обычного оружия, поступили на вооружение системы высокоточного оружия, способные эффективно поражать важные точечные цели. Коренным образом изменились способы ведения боевых действий – в локальных и региональных военных конфликтах первостепенное значение приобрели авиационные и ракетные удары, а ввод в сражение группировок сухопутных войск отодвинулся на завершающий этап операции. Боевые действия предполагали отсутствие четких линий соприкосновения войск сторон, наличие открытых флангов и больших разрывов в оперативном построении войск. Войскам предстояло действовать на современной боевой технике, обеспеченной эффективными средствами противохимической защиты. Отпадала необходимость позиционного противоборства и прорыва подготовленной обороны войск противника.

В этих условиях результат применения химического оружия в оперативно-тактической глубине переставал быть решающим, а его зависимость от погодных условий обуславливала непредсказуемость последствий и затруднение действий своих войск на зараженной местности. Что касается возможности использования химического оружия для поражения стратегических целей, то достигнутый уровень токсичности ОВ и эффективности средств доставки не позволяли решать такие задачи при современном уровне противовоздушной и противоракетной обороны.

Таким образом, самым логичным вариантом решения в отношении химического оружия оказался отказ от его использования в войне, полное запрещение и уничтожение химического оружия для всех стран посредством международного договора с механизмом международного контроля. Более того, серьезная опасность в распространении этого оружия в странах Третьего мира, а также возможность его использования террористами усиливали необходимость принятия такого решения.

Тогда очень уместен вопрос, почему США в течение 30 лет называли бинарное оружие химическим оружием нового поколения и даже приступили к его промышленному производству. Напрашивается только одно объяснение

этому противоречию. При единственном варианте и необходимости отказа от химического оружия у США оставалось глубокое недоверие к СССР, обладающему к 1990 году современным по сравнению с американским военно-химическим потенциалом, а также сомнение в готовности Советского Союза пойти на аналогичный шаг. Вот почему, при активизации разработки текста конвенции в рамках Конференции по разоружению в Женеве и развитию двусторонних советско-американских переговоров по запрещению химического оружия, США продолжали разработку бинарного оружия (на деле ее только обозначали) и в декабре 1987 года даже приступили к промышленному производству 155 мм бинарного артиллерийского химического снаряда. Видимо, нереальной программе создания бинарного химического оружия США отводили роль устрашающего фактора с целью вынудить Советский Союз ускорить химическое разоружение.

В те годы было совершенно ясно, что реальные усилия и затраты США на работы в области бинарного оружия не соответствовали полноценной программе химического перевооружения. После объявления наработанных запасов бинарного оружия США это полностью подтвердилось, так как эти запасы составили менее 2% от общего американского химического арсенала. Нам не известно, знал ли Конгресс США о реальном положении дел с бинарным оружием или, утверждая выделение на бинарную программу значительных финансовых средств, действительно верил, что она сможет обеспечить химическое перевооружение в интересах национальной безопасности.

Однако СССР, преследуя паритетные цели, после активизации американской бинарной программы в тот период был вынужден в рамках исследований и разработок провести объективную оценку целесообразности создания бинарного химического оружия. Результаты этих работ показали, что бинарное оружие не имеет перспектив военного использования, так как уступает по эффективности унитарному химическому оружию. Опасение того, что производство бинарного химического оружия может быть выведено из-под контроля, также было снято посредством разработки соответствующих положений конвенции, обеспечивающих контроль

и бинарного химического оружия. Все это и определило отсутствие в арсеналах бывшего СССР и России бинарных химических боеприпасов.

В начале 80-х годов на Конференции по разоружению в Женеве активизировались переговоры по разработке текста конвенции о запрещении химического оружия (особенно после внесения основных положений этой конвенции Советским Союзом в июне 1982 года и представления США своего проекта в апреле 1984 года). Непосредственно над текстом конвенции начал работать Специальный Комитет по химическому оружию. На этом этапе в основу текста конвенции вносились положения об объявлении запасов химического оружия, объектов по разработке, производству, хранению и уничтожению химического оружия, первоначальные процедуры контроля посредством инспекций, объявления и контроль химической промышленности по производству и потреблению химикатов. В проект текста конвенции государства-участники переговоров предлагали свои предложения, которые порой противоречили позициям других государств, в этом случае статьи, которые не были согласованы со всеми участниками переговоров, заключались в квадратные скобки.

В 1987 году СССР подтвердил взятый курс на химическое разоружение – прекратил производство химического оружия и приступил к строительству промышленного объекта по его уничтожению в районе г. Чапаевска Самарской области. В октябре 1987 года для всех представителей стран-участников переговоров в Женеве Советский Союз организовал показ военного объекта в пос. Шиханы Саратовской области и продемонстрировал типовые химические боеприпасы [8]. Активизации переговоров по разоружению способствовала также активная поддержка Советским Союзом принципа международного контроля выполнения конвенции, в том числе посредством инспекций по запросу без права отказа.

Важным фактором, ускорившим согласование проекта конвенции, являлись двусторонние советско-американские переговоры, которые завершились подписанием Вайомингского меморандума. На первом его этапе в 1989 году СССР и США обменялись взаимными объявлениями о своих военно-химических потенциалах и про-

должали переговоры по подготовке второго этапа Меморандума и программе двустороннего технического сотрудничества.

В целях решения конвенциальных проблем химического и биологического оружия указом Президента Российской Федерации от 19 февраля 1992 года № 160 был создан Комитет по конвенциальным проблемам химического и биологического оружия при Президенте Российской Федерации (Химбиоком). Прежде всего, Комитет возглавил работу по подготовке к подписанию конвенции, а в дальнейшем на него были возложены функции Национального органа Российской Федерации по выполнению обязательств конвенции о запрещении химического оружия.

17 июня 1992 года Б.Н. Ельциным и Дж. Бушем было подписано «Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки относительно безопасных и надежных перевозки, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия». В развитие этого рамочного соглашения 30 июля 1992 года между Химбиокомом и Министерством обороны США было подписано Соглашение относительно безопасного, надежного и экологически чистого уничтожения химического оружия, которое предусматривало безвозмездную финансовую помощь России со стороны США.

В конце 1992 года работа над текстом конвенции на Конференции в Женеве была завершена. Председателем Специального Комитета по разоружению немецким послом Вагнером было предложено убрать из текста проекта конвенции несогласованные положения, заключенные в скобки, а основной текст конвенции рекомендовать всем странам для рассмотрения и подписания. На заключительном заседании Специального Комитета представителем Российской Федерации на переговорах было официально заявлено о неприемлемости для России двух пунктов проекта Конвенции: в отношении неопределенности права государства проводить конверсию объектов по производству химического оружия и оплаты международного контроля за счет инспектируемого государства-участника. Официальные представители основных западных государств заверили о намерении оказать помощь России в приемлемом решении

данных вопросов до вступления конвенции в силу.

Кроме этих проблем при принятии решения на подписание конвенции вызывала серьезную озабоченность России значительная стоимость уничтожения запасов химического оружия. По инициативе председателя Химбиокома в августе 1992 года было официально заявлено послам западных государств, аккредитованным в Москве, о финансовых проблемах, связанных с выполнением конвенции и влиянии их на решение о возможности ее подписании. Это заявление послужило основой для формирования в последние годы коалиции западных государств, которые предоставили финансовую и техническую помощь России в уничтожении запасов химического оружия и объектов по его производству.

При том понимании, что основные проблемы России по выполнению конвенции будут решены в рамках Организации по запрещению химического оружия, а государства-участники предоставят России финансовую помощь на химическое разоружение, 13 января 1993 года в Париже Российская Федерация в числе первых государств подписала Конвенцию о запрещении разработки, применения и накопления химического оружия и его уничтожении [9].

3. Подготовка России к выполнению международных обязательств в области химического разоружения и ратификация Конвенции

В соответствии со своими положениями Конвенция подлежала ратификации подписавшими ее государствами согласно их конституционным процедурам (статья XIX). Конвенция вступает в силу через 180 дней после даты сдачи на хранение 65-й ратификационной грамоты, но не ранее чем через два года после ее открытия к подписанию (статья XXI).

Для осуществления Конвенции (статья VIII, параграфы 1–3), включая деятельность по международному контролю, государства-участники учреждают Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО). Место пребывания штаб-квартиры ОЗХО было определено в Гааге, Королевство Нидерланды. В период после подписания и до вступления Конвенции в силу кон-

сультации и сотрудничество государств по проблемам Конвенции осуществлялись в рамках Подготовительной Комиссии (ПК) ОЗХО, образованной в соответствии с Парижской резолюцией 1993 года из представителей стран, подписавших Конвенцию. Рабочие группы экспертов от всех стран под руководством ПК приступили к проработке нерешенных вопросов и процедур Конвенции для подготовки к принятию решения по ним на 1-й Конференции членов ОЗХО при вступлении Конвенции в силу.

Успешной подготовке к вступлению Конвенции в силу способствовало российско-американское сотрудничество в двустороннем эксперименте по процедурам контрольного механизма Конвенции и технологии уничтожения ОВ. После согласования процедур объявлений и проверки в 1994 году был осуществлен второй этап Вайомингского меморандума по взаимному обмену данными о всех военно-химических объектах США и России и проведению взаимных инспекций в полном соответствии с положениями Конвенции. Специально оснащенные российские инспекционные группы осуществили контроль пяти объявленных американских объектов, в том числе двух объектов посредством инспекций по запросу, а соответственно американские группы проконтролировали пять российских объектов. Этот эксперимент укрепил уверенность сторон в работоспособности процедур контроля химического разоружения, изложенных в Конвенции.

В 1995 году был проведен совместный эксперимент по оценке российской двухстадийной технологии уничтожения ФОВ в лаборатории Управления химической и биологической защиты сухопутных войск США (Эджвуд, штат Мэриленд) и в российской лаборатории Саратовского высшего военно-инженерного училища химической защиты. Положительный результат эксперимента подтвердил возможность использования этой технологии на объектах по уничтожению химического оружия.

Одновременно в России последовательно шел процесс подготовки к вступлению Конвенции в силу: обосновывалась программа уничтожения запасов химического оружия и объектов по его производству, разрабатывались проекты законодательных и нормативных актов, регла-

ментирующих выполнение международных обязательств по химическому разоружению и обеспечение безопасности населения и персонала объектов. Продолжалась работа российских экспертов в рамках ПК ОЗХО в Гааге по согласованию процедур выполнения Конвенции [10].

К августу 1996 года 60 стран ратифицировали Конвенцию о запрещении химического оружия и сдали свои ратификационные грамоты в депозитарий (Франция). Однако в США и России начавшийся процесс ратификации еще не был завершен. Назревала ситуация, когда Конвенция могла вступить в силу без участия основных обладателей запасов химического оружия, что противоречило цели и предмету Конвенции. Некоторые страны, ратифицировав Конвенцию, задержали сдачу своих ратификационных грамот по этой причине.

Для России процесс ратификации протекал особенно сложно. Требовалось выделение значительных финансовых средств на строительство и функционирование объектов по уничтожению химического оружия, ликвидацию бывших его производств, а также оплату международного контроля. Эти и другие причины объективно изложены в специальном докладе экспертов Службы внешней разведки РФ [11], подготовленном в мае 1996 года.

При решении вопроса о ратификации Конвенции затраты на уничтожение запасов химического оружия в России оценивались в 16,64 трлн. руб. в ценах 1995 года (2,8 млрд. долларов). Кроме создания объектов по уничтожению химического оружия в регионах и районах его хранения было необходимо развитие социальной инфраструктуры, реконструкция и строительство инженерных и дорожно-транспортных коммуникаций. Для всех работ предусматривалось выполнение мероприятий по охране здоровья персонала объектов и населения, а также защите окружающей среды. Большинство этих проблем требовалось решить в ближайшие 3–4 года, чтобы обеспечить уничтожение всех имеющихся запасов химического оружия в 10-летний срок.

Большой проблемой для России стало выполнение обязательства по ликвидации бывших производств химического оружия. После его

прекращения в 1987 году большинство объектов по производству ОВ до вступления Конвенции в силу были конверсированы для выпуска коммерческой продукции. Затраты на уничтожение специализированного оборудования и специальных элементов зданий в соответствии с требованиями Конвенции были оценены в 300 млн. долларов. Однако процедуры и критерии, определяющие возможность конверсии таких объектов по Конвенции (о неприемлемости которых заявляла Российская Федерация до ее подписания), могли привести к необходимости уничтожения уже конверсированных производств. В этом случае ущерб российской экономике составлял более 1 млрд. долларов.

Согласно положениям Конвенции покрытие расходов на международный контроль объектов по хранению, уничтожению и производству химического оружия осуществляется за счет инспектируемого государства-участника. Величина этих расходов для российских объектов за 10 лет оценивалась в 220 млн. долларов.

Таким образом, для выполнения международных обязательств по Конвенции Россия должна была затратить в течение 10 лет около 4,0 млрд. долларов, что в условиях затяжного экономического кризиса было проблематичным.

Другой проблемой, которая оказывала влияние на процесс ратификации, являлось наличие в тексте Конвенции многих терминов и определений, не имеющих однозначной трактовки, но существенно влияющих на эффективность международного контроля и планируемые затраты на выполнение обязательств. Решение этих вопросов было поручено ПК ОЗХО, однако в течение трех лет заметного практического результата в этой области достичь не удалось.

Таким образом, в условиях неопределенности объема будущих затрат и при отсутствии уверенности выполнения жестких сроков обязательств по Конвенции принятие решения о ратификации Конвенции в России затягивалось на некоторый срок.

С большими трудностями проходил процесс ратификации Конвенции и в США. При обсуждении Конвенции в Конгрессе было вскрыто много проблемных вопросов, среди которых были отмечены следующие:

неготовность современных технических средств контроля и принятых процедур в Конвенции обеспечить безусловную эффективность международного контроля;

допуск международных инспекторов на объекты США мог привести к утечке государственных и коммерческих секретов;

выполнение обязательств по Конвенции требовало значительных расходов;

текст Конвенции содержал много несогласованных терминов и процедур;

положения Конвенции ограничивали использование химических средств борьбы с беспорядками;

процедуры инспекций предприятий противоречили американским нормам защиты прав граждан и частной собственности, закрепленных в Конституции США;

не была обеспечена связь ратификации Конвенции США и России;

допуск инспекции по запросу на объект США мог быть осуществлен только в случае, если отсутствует угроза для национальной безопасности страны.

Дальнейший ход событий показал, что в США были объективно оценены положительные стороны скорейшего вступления Конвенции в силу, и ее ратификация состоялась в Вашингтоне в апреле 1997 года. Среди основных причин принятия такого решения можно назвать следующие:

химическое оружие утратило свою роль в войнах и вооруженных конфликтах при полном отсутствии каких-либо перспектив повышения его эффективности в ближайшем будущем;

угроза распространения химического оружия в мире и опасность использования его террористами;

существующие процедуры Конвенции предусматривали возможность их дальнейшей доработки и согласование приемлемого механизма международного контроля.

Став участником Конвенции в числе первых государств, США обеспечили себе ключевые позиции в ОЗХО с первых дней начала ее деятельности – с момента вступления Конвенции в силу 29 апреля 1997 года.

В Российской Федерации процесс ратификации продолжился до ноября 1997 года. Ратификации Конвенции способствовало принятие 2 мая 1997 года Федерального закона № 76 ФЗ «Об уничтожении химического оружия», а также утверждение Правительством РФ в марте 1996 года Федеральной целевой программы «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации» [12].

Ратификация Конвенции была завершена 5 ноября 1997 года принятием Федерального Закона № 138 ФЗ «О ратификации Конвенции о запрещении разработки, применения и накопления химического оружия и его уничтожении». Таким образом, Российская Федерация стала участником Конвенции 5 декабря 1997 года.

4. Проблемные вопросы Конвенции о запрещении химического оружия

Текст Конвенции о запрещении химического оружия разрабатывался в течение 20 лет и явился итогом компромисса интересов всех государств-участников переговоров в ходе его формирования.

Основные положения Конвенции регламентируют четкий порядок и сроки уничтожения существующих запасов химического оружия, ликвидацию промышленного потенциала для его производства, деятельность химической промышленности с широким перечнем химикатов, их импорт и экспорт, а также действенный механизм международного контроля выполнения обязательств государств-участников. Предусмотренными положениями Конвенции процедуры и методы проверки направлены на исключение любой деятельности, связанной с химическим оружием, кроме его уничтожения.

Однако еще до вступления Конвенции в силу было ясно, что предусмотренный механизм международного контроля не решает целый ряд проблемных вопросов. Парижской резолюцией 1993 года поручалось ПК ОЗХО разрешить имеющийся комплекс проблемных вопросов по осуществлению Конвенции. В течение всего периода с 1993 до 1997 года эти вопросы обсуждались в рамках ПК экспертными группами с участием всех представителей государств, подписавших Конвенцию. По некоторым проблем-

ным вопросам в 2003 году был подготовлен доклад Научно-консультативного совета ОЗХО [13]. Однако реального прогресса по большинству этих вопросов до настоящего времени не достигнуто. Среди вопросов, которые ожидают своего решения и продолжают оказывать влияние на процедуры осуществления Конвенции, имеются следующие:

В тексте Конвенции приведен комплекс важных определений и терминов, которые регламентируют запрещенную деятельность, содержание объявлений, деятельность по уничтожению химического оружия, процедуры контроля и статьи финансовых затрат. *Запрещение разработки химического оружия* является одним из важнейших обязательств Конвенции, однако определение «разработка химического оружия» в тексте отсутствует. Критерий объявления объектов по его разработке содержит термин «преимущественно», который также не имеет единого толкования у государств-участников.

В соответствии с положениями Конвенции «Уничтожение химического оружия означает процесс по существу *необратимого преобразования химикатов в состояние, непригодное для производства химического оружия*, который необратимо делает непригодным к использованию боеприпасы и другие устройства как таковые». Такое определение предполагать различную конечную точку его уничтожения, от которого будет зависеть технология детоксикации ОВ и объем затрат на создание и функционирование объектов по уничтожению химического оружия.

Экономическая необходимость и важность процедуры конверсии объектов по производству химического оружия зависит от возможности использовать имевшееся оборудование для целей производства коммерческой продукции. Однако отсутствие строгой ясности терминов «стандартное» и «специализированное» оборудование вызывало целый ряд неопределенностей и трудностей осуществления этих процедур.

Для цели осуществления Конвенции *токсичные химикаты*, выявленные для применения мер проверки, перечислены в списках ее приложения. Вполне естественно, что химико-аналитические методы анализа также разработаны

только для известных списочных химикатов. Даже в отношении процедур самого жесткого контроля – инспекций по запросу, проводимый на месте анализ химикатов ограничивается только установлением наличия или отсутствия списочных химикатов. К сказанному следует добавить, что в соответствии с положениями Конвенции не объявляются лаборатории, синтезирующие любые токсичные химикаты, если их общее количество за год не превышает 100 грамм. Таким образом, существующими процедурами и средствами международного контроля не в полной мере обеспечена проверка выполнения обязательств государств-участников в отношении деятельности с токсичными химикатами.

Конвенция ко всем государствам-участникам предъявляет требование не использовать *химические средства борьбы с беспорядками* в качестве средства ведения войны. В Конвенции указано, что токсичные химикаты не относятся к химическому оружию, если они предназначены для целей, не запрещаемых по Конвенции (в данном случае для целей борьбы с беспорядками), при том условии, что их виды и количества соответствуют таким целям. Однако критерии соответствия химикатов разрешенным целям в отношении их вида и количества в Конвенции не установлены.

В соответствии с положениями Конвенции к не запрещенным целям относятся *«правоохранительные цели, включая борьбу с беспорядками в стране»*. Таким образом, деятельность по борьбе с беспорядками является только частью правоохранительной деятельности, в рамках которой не запрещается использование токсичных химикатов. В свою очередь, к правоохранительным целям могут быть отнесены любые действия силовых структур, направленные на пресечение незаконных действий, например, освобождение захваченных террористами заложников, ликвидация вооруженных банд, захват опасных преступников и др. Однако обязательства Конвенции требуют объявления химикатов, которые государства-участники используют только для целей борьбы с беспорядками.

Перечисленные вопросы являются только частью списка проблемных вопросов, отсутствие приемлемого решения для которых продол-

жает оказывать влияние на эффективность международного механизма контроля и на объем затрат государств-участников на выполнение обязательств по Конвенции.

5. Обзор итогов выполнения Конвенции за 10 лет

Прошедший десятилетний период осуществления Конвенции о запрещении химического оружия позволяет сделать объективные выводы об эффективности выполнения обязательств государствами-участниками и влиянии Конвенции на процесс химического разоружения в мире.

К настоящему времени ратифицировали Конвенцию и стали ее участниками 182 государства. Осталось в мире только 13 государств (7 из них подписали, но не ратифицировали Конвенцию), которые не взяли на себя обязательства по запрещению химического оружия. При таком соотношении не может быть никаких сомнений, что процесс химического разоружения в мире стал всеобщим.

Чтобы иметь представление об объеме деятельности при выполнении обязательств Конвенции, достаточно перечислить некоторые основные количественные показатели химического разоружения:

общее количество ОВ, накопленное во всем мире, на момент объявления составляло 71 331 тонн (семь типов ОВ и три типа полупродуктов для производства бинарного химического оружия);

количество химических боеприпасов в снаряжении ОВ составляло 8 226 909 единиц;

запасами химического оружия в мире обладают 6 государств: Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Индия, Албания, Ливийская Арабская Джамахерия, а также еще одно государство, название которой указывается только в конфиденциальных документах ОЗХО;

11 государств имеют на своей территории старое химическое оружие, общее количество которого оценивается в 115 тысяч единиц;

3 государства имеют на своей территории химическое оружие, ранее оставленное другими государствами, составляющее 37,6 тысяч единиц;

всего в мире имелось 64 объекта по производству химического оружия;

общее количество объектов химической промышленности, подпадающее под контроль Конвенции, составляет 5 835.

Наиболее трудоемким и затратным обязательством Конвенции для государств-участников является уничтожение запасов химического оружия и объектов по его производству. В соответствии с положениями Конвенции проблема ликвидации военно-химических потенциалов стран должна завершиться в течение 10 лет со дня вступления Конвенции в силу (то есть в 2007 году), с возможностью продления на 5 лет сроков уничтожения запасов химического оружия. В этот период подлежат международному контролю силами инспекторов ОЗХО все объекты по хранению, производству и уничтожению химического оружия, а также объекты химической промышленности, деятельность которых связана с контролируруемыми по Конвенции химикатами.

Для выполнения своих обязанностей ОЗХО имеет штат сотрудников, который насчитывает более 500 человек. Объем инспекционной деятельности в году достиг 25 тысяч инспекторских дней (380 инспекций в год). Бюджет ОЗХО, который пополняется за счет взносов государств-участников, вышел на уровень 77 млн. евро в год. Оплата деятельности ОЗХО по проверке объектов по хранению, производству и уничтожению химического оружия осуществляется за счет инспектируемого государства-участника (ежегодные затраты России на международный контроль достигли 10 млн. евро).

Первоначально на уничтожение химического оружия (программа 1996 года) планировалось затратить 16,6 трлн. рублей (в ценах 1996 года или 2,7 млрд. долларов) за 10 лет. Однако экономические трудности 90-х годов позволили до 2005 года выделить из бюджета только половину требуемых финансовых средств, в результате чего планы уничтожения химического оружия корректировались в 2001 и 2005 годах, и Правительством Российской Федерации в программу вносились соответствующие изменения [14, 15]. Были продлены сроки создания объектов по уничтожению химического оружия и уточнена общая стоимость программы (до 3,7 млрд. дол-

ларов при первой корректировке и до 6,4 млрд. долларов при последней в 2005 году).

Кроме того, ОЗХО по просьбе Российской Федерации был продлен промежуточный срок уничтожения 20% запасов химического оружия до 29 апреля 2007 года, а также предоставлена возможность продления окончательного срока уничтожения.

В настоящее время в России созданы 3 объекта по уничтожению запасов химического оружия: в пос. Горный Саратовской области, в г. Камбарка Удмуртской Республики и в пос. Марадыковский Кировской области. На объекте «Горный» в 2005 году было завершено уничтожение всех хранившихся там запасов химического оружия и продолжается утилизация продуктов уничтожения. На двух других объектах продолжается уничтожение химического оружия и в 2007 году будет завершено уничтожение 20% его запасов. В соответствии с новой редакцией программы в период 2008–2009 годов планируется завершить создание и ввести в строй еще четыре объекта: в районах г. Щучье Курганской области, г. Кизнера Удмуртской Республики, пос. Леонидовка Пензенской области и г. Почепа Брянской области. Выполнение этих планов представляет для России сложную проблему, что обусловлено предельным сроком завершения уничтожения химического оружия по Конвенции в 2012 году и необходимостью освоения в ближайшие два года значительных финансовых средств (стоимость строительства каждого объекта оценивается в 10 млрд. рублей).

Серьезные осложнения возникли в ОЗХО при решении проблемы ликвидации российских объектов по производству химического оружия. Особенности размещения российских объектов в пределах крупных химических промышленных комплексов, а также уже проведенное их переоборудование для выпуска коммерческой продукции вызвали необходимость конверсии большинства из них. Однако в соответствии с положениями Конвенции конверсия объектов по производству химического оружия допускается в исключительных случаях крайней необходимости (статья V, параграф 13). Многолетнее обсуждение в ОЗХО российской проблемы конверсии разрешилось положительно. Из 24

российских объектов по производству химического оружия в ОЗХО для 8 объектов были одобрены планы уничтожения и для остальных 16 объектов – заявки на конверсию для целей, не запрещенных по Конвенции.

В решении проблемы химического разоружения существенная роль отводится международной технической и финансовой помощи России со стороны государств-участников Конвенции. В настоящее время из 15 стран, которые заявили о намерении предоставить финансовую помощь России, реально ее осуществляют 10 государств. Наиболее значимый вклад в создание российских объектов по уничтожению химического оружия вносят следующие страны:

Германия – создание объектов в пос. Горный и г. Камбарка;

США – строительство объекта в г. Щучье;

Италия – инфраструктура объекта в г. Щучье и создание объекта в г. Почеп Брянской области;

Нидерланды – финансирование объектов энергоснабжения для объекта в г. Щучье;

Канада – финансирование создания газопровода и железной дороги для объекта в г. Щучье;

Финляндия – поставка приборов индикации на объекты в пос. Горный и г. Камбарка.

В соответствии с последней редакцией российской программы уничтожения запасов химического оружия потребная финансовая международная помощь оценивается в 34,2 млрд. рублей, что составляет 20% стоимости всей программы. Реально оказанная помощь России со стороны иностранных государств до 2005 года составила около 4 млрд. рублей или 10% от требуемого объема.

В этом отношении следует обратить внимание на ситуацию, связанную с предоставлением финансовой помощи США. Официально заявленный объем этой помощи на создание объекта в г. Щучье равен 820 млн. долларов. Стоимость выполненных работ к 2005 году за счет этой помощи составило только 175 млн. долларов, что закономерно приводило к неоднократному переносу сроков завершения строительства этого объекта.

В мае 1999 года Конгресс США выдвинул 6 условий, которые должна выполнить Россия для продолжения финансирования создания объекта «Щучье»:

1. Полное и точное объявление имеющихся запасов химического оружия в России.

2. Ежегодное выделение не менее 25 млн. долларов США на создание инфраструктуры объекта «Щучье».

3. Разработка практического плана уничтожения запасов химического оружия.

4. Обеспечение юридической базы для уничтожения всех ОВ нервно-паралитического действия на одном объекте в г. Щучье.

5. Согласие на уничтожение объектов по производству химического оружия в г. Волгограде и г. Новочебоксарске.

6. Готовность других стран участвовать в финансировании создания инфраструктуры объекта в г. Щучье.

Некоторые из этих условий вызвали законное недоумение, в частности вопрос о полном и точном объявлении Россией имеющихся запасов химического оружия. В соответствии с обязательствами по Конвенции 4 января 1998 года Российская Федерация представила в ОЗХО все необходимые объявления, в том числе и по запасам химического оружия. Проведенные в 1998 году ОЗХО первоначальные и систематические инспекции подтвердили правильность и полноту этих объявлений. Однако после разъяснений американской стороной их озабоченности стало ясно, что под этим требованием подразумевается передача в США результатов российских исследований и разработок в области химического оружия, которые проводились до подписания Конвенции. Однако такая информация, во-первых, не требуется по Конвенции, а во-вторых, относится к распространению знаний о химическом оружии, что по Конвенции расценивается как запрещенная деятельность (статья I, параграф 1d.).

Далеким от реальности было также условие об уничтожении всех ФОВ на одном объекте в Щучьем, то есть о перевозке всех химических боеприпасов с четырех других российских арсеналов на один объект. Кроме значительного увеличения затрат этот вариант не обеспечивал

сроки уничтожения по Конвенции и повышал опасность аварийных ситуаций при крупномасштабных перевозках химических боеприпасов через всю страну.

Что касается уничтожения объектов по производству химического оружия в г. Волгограде и г. Новочеркасск, то многие планы по уничтожению и конверсии указанных объектов к этому времени были уже одобрены в ОЗХО с участием американской делегации, и никакого другого согласия от России не требовалось.

Выдвижение американской стороны условий может быть расценено как попытка использовать экономический рычаг для односторонних уступок России, не имеющих никаких законных оснований. Несмотря на то, что в России были созданы все предпосылки для выполнения выдвинутых Конгрессом США условий, финансирование объекта в Щучьем было заморожено более чем на год.

В рамках российско-американского сотрудничества обсуждался также вопрос о замене международного контроля процесса уничтожения запасов химического оружия в США и России на двусторонний механизм, возможность которого предусматривается положениями Конвенции. В таком варианте объекты по хранению и уничтожению химического оружия двумя странами контролируются обоюдно с привлечением инспекторов ОЗХО только в качестве наблюдателей. США активно предлагали России согласиться на двустороннюю проверку и даже брали на себя частичную оплату российских расходов на инспекции. Российская Федерация отказалась от двустороннего механизма контроля по следующим существенным экономическим и политическим причинам:

1. Объем проверки 9 американских объектов по хранению и 9 объектов по уничтожению химического оружия в течение 10–15 лет, совместно с сопровождением американских инспекционных групп в России, требовал создания в России государственного органа, обеспечение его квалифицированными кадрами и современным инспекционным оборудованием. Такой орган по уровню не должен был существенно отличаться от ОЗХО и требовал более значительных финансовых затрат, чем требовалось выделить на международный контроль.

2. Исключение из задач ОЗХО основной деятельности по контролю химического оружия (в настоящее время она занимает более 60% сил и средств) обуславливало решение большинства проблем химического разоружения только на двусторонней основе между Россией и США, что неизбежно привело бы к ослаблению роли этой международной организации в осуществлении Конвенции.

3. Переход на двусторонний механизм контроля потребовал бы дополнительное подписание и ратификацию российско-американского соглашения и принятие соответствующих законодательных актов Российской Федерации, что могло привести к затягиванию сроков реализации этого решения.

Этот вопрос больше не рассматривается, а выполнение обязательств по Конвенции всеми государствами-участниками контролирует ОЗХО посредством своих инспекторов, в число которых входят специалисты России и США.

К настоящему времени США опережает Россию по объему уничтоженных запасов химического оружия. Однако в США имеется целый ряд проблем по выполнению программы создания объектов по уничтожению химического оружия, что также приводит к пересмотру первоначальных сроков уничтожения запасов. В 2003 году ОЗХО удовлетворила просьбу США относительно отсрочки промежуточного срока уничтожения 45% запасов химического оружия до конца 2007 года, а также была предоставлена возможность продления окончательного срока уничтожения.

Таким образом, в течение 10-летнего срока осуществления Конвенции странами-обладателями химического оружия уничтожено около 20 тысяч тонн ОВ или 30% всех мировых его запасов.

Под систематическим международным контролем ОЗХО находятся объекты химической промышленности, деятельность которых связана с химикатами, контролируемые по Конвенции. Ежегодно осуществляется 120–150 инспекций на объявленные химические предприятия стран-участников. Цель таких инспекций заключается в проверке того, что проводимая деятельность соответствует обязательствам по Кон-

венции и согласуется с информацией, представленной в объявлениях.

Даже после завершения уничтожения всех запасов химического оружия во всем мире ОЗХО будет продолжать свою деятельность по контролю выполнения всех остальных обязательств по Конвенции, включая деятельность химической промышленности, импорта и экспорта химикатов, а также комплекс всех вопросов запрещения и нераспространения химического оружия.

Заключение

Подводя итоги 10 лет действия Конвенции о запрещении химического оружия, напрашивается оптимистический вывод о необратимости процесса химического разоружения и избавления мира от смертельной опасности химического оружия в будущем.

Завершается победой более чем 100-летний период усилий передового разума человечества, направленного на всеобщее и полное запрещение одного из видов оружия массового уничтожения – химического оружия. История совершенствования этого оружия, печальных событий его применения и нахождения реальных путей его запрещения является хорошим уроком и надежным примером успешного решения глобальных проблем в интересах выживания человечества.

Остается только выразить надежду, чтобы успешная практика совместных усилий дипломатов и ученых, направленных на всеобщий отказ от химического оружия под международным контролем, помогала добиться разумных результатов и в других сферах, в которых еще остается опасность глобального уничтожения человечества.

Список литературы

1. Проблемы химического и биологического оружия. – СИПРИ, Стокгольм, 1970.
2. Химическое оружие и последствия его применения. Доклад комитета ВФНР // Мир науки. – 1985. – Т. 29, № 2.
3. Ганслиан, Р., Бергендорф, Ф. Химическое оборона и нападение. – М.: Госвоениздат, 1925.
4. Жигур, Я. Химическое оружие в современной войне. – М.: Воениздат, 1936.
5. Красильников, М.В. Военно-химическое дело в 1-й империалистической войне. – М.: ВАХЗ, 1948.
6. Гальдер, Ф. Военный дневник. – М.: Воениздат, 1971.
7. Антонов, Н.С. Химическое оружие на рубеже двух столетий. – М.: Прогресс, 1994.
8. Документ Конференции по разоружению CD/789 от 16 декабря 1989 г.
9. Конвенция о запрещении разработки, применения и накопления химического оружия и его уничтожении. – ОЗХО, 1993.
10. Горбовский, А. Химическое оружие под запрет на рубеже 21 века // Химическое оружие и его уничтожение. Центр ПИР, М. – 1996. – № 1.
11. Доклад экспертов Службы Внешней Разведки // Химическое оружие и его уничтожение. Центр ПИР, М. – 1996. – № 2.
12. Федеральная целевая программа «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации». – Постановление Правительства РФ от 21 марта 1996 г. № 305.
13. Доклад Научно-консультативного Совета ОЗХО о научно-технических достижениях (первая Конференция по рассмотрению действий Конвенции). – 2003 г.
14. Федеральная целевая программа «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации», новая редакция. – Постановление Правительства РФ от 5 июля 2001 г. № 510.
15. Федеральная целевая программа «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации», новая редакция. – Постановление Правительства РФ от 24 октября 2005 г. № 639.